

Густав Эмар
Черная Птица

«РИПОЛ Классик»

Эмар Г.

Черная Птица / Г. Эмар — «РИПОЛ Классик»,

Густав Эмар – признанный классик приключенческого жанра, романист с богатейшим опытом морских путешествий и опасных экспедиций в малоизученные районы Африки и Южной Америки. Он командовал пиратской бригантиной и томился в плену у индейцев Патагонии, и эти приключения писателя-авантюриста отражены в десятках блистательных романов, которые читаются на одном дыхании. Роман «Черная Птица» – о противостоянии белых поселенцев и тexasских индейцев, возглавляемых отважным и жестоким вождем по прозвищу Черная Птица. Издание подготовлено по тексту 1898 года.

Содержание

Глава I. Знакомство с господином и госпожой Курти	5
Глава II. Плантация издали	8
Глава III. Глава, из которой узнается масса интересных вещей	12
Глава IV. Глава, в которой читатели обстоятельно знакомятся с героиней этой правдивой истории	17
Глава V. Возвращение к прошлому, чтобы лучше осветить настоящее положение дел	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Густав Эмар

Черная Птица

Глава I. Знакомство с господином и госпожой Курти

Лионель Арман де Лесток Курти, родом француз, семья которого поселилась в Луизиане в конце царствования Людовика XIV, родился в Новом Орлеане в 1818 году. Поступив в армию Соединенных Штатов в качестве драгунского лейтенанта, он стал быстро продвигаться по службе. Живя почти постоянно на границе индейских владений ради охранения колонистов и предупреждения нападения краснокожих на новые поселения, он провел целых пятнадцать лет в непрерывных походах и стычках, подчас очень серьезных. Произведенный на тридцать втором году, после одного блестящего дела, в полковники, он взял отпуск, который и провел у родных в Новом Орлеане. Здесь он женился на прелестной молодой девушке лет двадцати, тоже француженке по происхождению; ее звали Лаурой Люси де Перриер. По всем признакам, брак должен был стать счастливым, каким и оказался на самом деле.

Когда срок отпуска кончился, полковник Курти, поцеловав жену, вернулся на свой пограничный пост; но, получив тяжелую рану в одном деле, принужден был подать в отставку. Сидячий образ жизни, на который он был теперь обречен, сильно тяготил его, привыкшего к деятельной жизни на воздухе. Но он не решался жаловаться, так как больше всего на свете боялся огорчить жену, которую обожал и от которой имел двух прелестных детей, мальчика и девочку, – грациозных крошек, серебристый смех и милый лепет которых легко рассеивали мрачные складки на лбу полковника; но эти складки сейчас же снова собирались на его мужественном лице.

Раз вечером госпожа Курти, сама уложив по обыкновению детей спать, так как она никому не доверяла этой обязанности, – распорядилась, чтобы приготовили чай, и стала слушать рассказ мужа о его прежней жизни, о битвах и красотах природы, которые он разворачивал перед ней, невольно сопровождая свои воспоминания плохо скрытыми вздохами. В разгар одного из описаний чудной местности госпожа Курти вдруг положила руку на плечо мужа и сказала мягким, звучным голосом:

– Как, должно быть, прекрасно то, о чем ты говоришь!

– О, да! – ответил полковник, подавляя вздох.

– Не правда ли, мой дорогой Лионель, – продолжала она, – ты сожалеешь об этом просторе, об этой деятельной жизни, полной неожиданности и интереса? Ты должен задыхаться в узких улицах нашего города, в стенах этих домов!

– Что делать, милая Лаура, ведь, я уже не солдат! Мне остается только свыкнуться с теперешним положением.

– Да, и ты страдаешь еще более от того, что, из боязни огорчить меня, стараешься не показать этого.

– Лаура! – вскричал он.

Молодая женщина продолжала с некоторым волнением, немного насмешливо:

– И причина этого – только одно нежелание высказаться.

– Это еще что ты там болтаешь!

– Я говорю, милый Лионель, что ты эгоист; ты не понимаешь, что я тоже страдаю, что я чувствую себя почти несчастной.

– Ты страдаешь? Ты несчастна, ты, Лаура? О, Бог мой! – вскричал он в тяжелом волнении.

– Да, друг мой, – сказала она, – и еще по твоей вине.

– По моей вине!

– Конечно! Как, ты не замечал, милый Лионель, с какой радостью, если не сказать с восторгом, я слушаю каждый вечер твои интересные рассказы? Ведь я задыхаюсь не меньше тебя в этом городе; я думаю о том, как хорошо было бы нашим детям расти на свободе и свежем воздухе, и тихонько спрашиваю себя, что заставляет тебя жить в этой каменной тюрьме, которую даже солнце не в состоянии согреть, когда мы могли бы быть так счастливы на какой-нибудь плантации на границе?!

Слова жены подействовали на полковника, как удар грома. Не зная, слышит ли он их во сне или наяву, он смотрел на нее с таким комическим удивлением, что та покачала головой и сказала со смехом:

– Теперь ты все знаешь!

– Так ты говорила серьезно? – спросил он нерешительно.

– Никогда в жизни не говорила серьезнее, Лионель!

– Ты хочешь жить на границе, на новых землях?

– Я считала бы себя счастливой тогда.

– Но в таком случае почему ты не сказала мне об этом раньше?

– Я ждала, – ответила она с очаровательной улыбкой, – я надеялась, что тебе самому придет в голову эта мысль. Но когда увидела, что ты упрямо хранишь молчание, то поняла, что должна заговорить первая.

– Благодарю, дорогая, я счастлив, что так вышло. Но подумала ли ты о том, что перед нами откроется совсем новая жизнь?

– Я этого и хочу, мой друг. Я знаю, что всякое начало трудно, но у меня хватит мужества; ведь не даром же я жена солдата! Кроме того, разве мы не обязаны принести кое-какие жертвы в интересах наших детей?

– О да, душа моя, ты права, как всегда; итак...

– Итак? – повторила она с любопытством.

– Раз ты так сильно хочешь этого, я попробую исполнить твоё желание.

– Спасибо, Лионель, и ведь это будет скоро, не правда ли? – настойчиво сказала она.

Вернувшись к себе в комнату и убедившись, что никто не может ее подслушать, госпожа Курти бросилась в кресло, залилась слезами и долго не могла успокоиться. Она еще никогда не уезжала из Нового Орлеана, в котором выросла и где жили ее родные, друзья, все ее знакомые. Все ее занятия и удовольствия сосредоточивались в этом городе, где сложились привычки ее тихой жизни. Перспектива жизни на новых землях, о которой ходило столько мрачных легенд, пугала ее: каково будет ей, такой нежной, деликатной, страшно застенчивой – среди грубого населения, почти не тронутого цивилизацией? – Но вдруг она выпрямилась с решительным видом и улыбнулась сквозь слезы.

– Бедный Лионель! – проговорила она. – Ведь он так добр и великодушен! Пусть он будет обязан мне своим счастьем! В этом будет заключаться моя награда.

Она поднялась с кресла и опустилась на колени перед аналоем, потом поцеловала детей, как это делала каждый вечер перед сном, и заснула, прошептав:

– Они, мои сокровища, тоже будут счастливы на новом месте. Сам Бог внушил мне эту хорошую мысль!

На другой день полковник Курти уехал в Вашингтон. Поездка его затянулась на целый месяц. Наконец он вернулся, сияющий от радости.

– Ну, что же? – спросила его жена, как только кончились первые поцелуи и объятия. – Доволен ли ты результатом поездки?

– Я даже и не надеялся на то, что все так отлично удастся! – ответил полковник, потирая от удовольствия руки. – Дело устроилось самым великолепным образом. Я получил именно то, что хотел, и совершенно даром. Военный министр очень любезно заявил мне, что по моим старым заслугам я имел бы право и небольшую плантацию, если бы захотел.

– И прекрасно; значит, тебя еще не забыли, это очень приятно. А где же находится эта плантация?

– Недалеко от Красной реки, в пятистах милях от Малых Скалистых гор: я тебе покажу на плане. Это огромное пространство, перерезанное лесами и долинами: масса воды, воздуха, солнца, особенно солнца. О, мы будем так счастливы, и все это благодаря тебе, милая Лаура!

– Если бы это было действительно так, мой друг!

Полковник стал делать приготовления к отъезду. К нему вернулась его прежняя живость и деятельность, и он хлопотал без устали. Действительно, приготовления к такому путешествию, как на новые земли, – не легкое дело, особенно в том случае, если уезжают с тем, чтобы совсем поселиться на новом месте: приходится покупать массу вещей и предвидеть все до мельчайших подробностей. Полковник был богат, денежный вопрос не смущал его. Больше всего беспокоил его состав служащих, которых надо было взять с собой; но ему помог в этом простой случай. Гуляя как-то по улицам Нового Орлеана, он встретился с дюжиной своих бывших драгун, которые мечтали только о том, чтобы отправиться вместе с ним. Кроме того, он запасся четырнадцатью неграми – десятью мужчинами и четырьмя женщинами. Обеспечив себя с этой стороны, полковник озаботился тем, чтобы были подводы для перевозки съестных припасов, запасся одеждой, семенами, лошадьми, волами, овцами, курами, утками, наконец мебелью, всякой утварью, да и мало ли чем еще! Всего и не перечислить! Вместе с этим огромным поездом должны были двинуться в путь и рабочие – плотники, каменщики, кузнецы и каретники.

Наконец после двух месячной безостановочной работы все было готово, подводы нагружены и день отъезда назначен. Полковник решил уехать раньше один, чтобы все устроить к приезду семьи, за которой он должен был прибыть в Новый Орлеан. Ему приходилось уезжать от своих на целых шесть месяцев, потому что госпожа Курти была не совсем здорова и не могла сейчас же отправиться в такой дальний путь; ей не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать возвращения мужа. Полковник уехал со своими служащими, и скоро подводы скрылись из глаз провожавших среди пыльной дороги.

Глава II. Плантация издали

Быстрый рост белого населения Соединенных Штатов, благодаря постоянному наплыву рабочего класса из Европы, с каждым днем все более и более раздвигает границы этой великой северо-американской республики; и вместе с тем индейцы отодвигаются все более к западу, уступая свои владения и углубляясь в высокие саванны и таинственные прерии. Но, прежде чем удалиться навсегда из земель, где они так долго наслаждались мирным счастьем, краснокожие обменивают их на участки, лежащие в других местностях, или же просто продают свои владения по всем правилам торговли. Эти-то новые земли разделяются на участки большей или меньшей величины и различные по доходности и отдаются по самым низким ценам, а иногда и вовсе даром, бывшим офицерам, солдатам и переселенцам из Европы, которые приезжают в Америку с целью нажить себе собственность, которой им не удалось приобрести у себя на родине. Значение этих участков все увеличивается: на землях, столько лет остававшихся пустынными, дикими, лишенными всякой доходности, вырастают, точно по волшебству, деревни и города, завязываются сношения с соседями, устраиваются пути сообщения; торговля и промышленность развиваются, богатства все прибывает и в несколько лет цивилизация успевают уже оказать на страну свое благотворное влияние.

Так создаются новые штаты, которые вступают в состав американского союза; пустыня исчезает, уступая перед непреклонным трудом; поразительная деятельность эмигрантов и прогресс, который никогда не стоит на месте, совершенно преобразуют эти земли, где в течение стольких лет хозяйничали только дикари и хищные звери.

Был прекрасный вечер в последних числах мая 1858 года. Трое всадников, красиво сидевших на сильных, чистокровных лошадях, ехали рысью вдоль одного из довольно значительных притоков реки Красная, названия которой еще не было в то время на картах. Эти путешественники, вооруженные с ног до головы, были одеты в живописные костюмы луизианских плантаторов и принадлежали к чистой белой расе. Немного впереди шел человек, в котором легко можно было признать индейца по тому быстрому и размеренному шагу, свойственному краснокожим, который дает им возможность не отставать от лучшей лошади, бегущей рысью. Первый из всадников, по-видимому главный из трех, подозвал к себе знаком индейца и добродушно обратился к нему:

– А что, мой милый, должно быть, уж нам не доехать сегодня?

– Так! – ответил индеец гортанным голосом, и продолжал на чистом английском языке: – Мой отец слишком быстр: Черная Птица назначил ему пятый час дня, когда солнце удлинит тени деревьев до тех высот.

– Да, – возразил, смеясь, всадник, – но посмотри на тени деревьев: они становятся все длиннее, а между тем еще ничто не напоминает о том, чтобы мы приближались к нашей цели. Кругом нас настоящая пустыня.

– Мой отец нехорошо смотрел, – сказал индеец с оттенком насмешки. Скоро он увидит лучше.

– Где же это?

– За горами.

– А они очень далеко отсюда?

– Вот они! – сказал индеец, протягивая руку.

Действительно, шагах в полутораста перед ними, в том месте, где река делала довольно крутой поворот, ее путь перерезала громада скал, через которые вода пробила себе брешь. Эта масса воды, падающая или, вернее, скользкая в нижний бассейн, представляла необыкновенно живописное зрелище.

Спустя некоторое время дорога стала почти незаметно подниматься вверх, что не мешало лошадям идти с прежней скоростью. Впрочем, на самом повороте реки берега ее круто обрывались вправо и влево, образуя довольно значительную разницу в уровне выше и ниже по ее течению; но и здесь подъем почти не был заметен, так как отличался большой пологостью.

Дойдя до хребта, который представлял собой самую высокую точку пути, Черная Птица остановился и, обернувшись к всаднику, показал рукой направо и произнес с гримасой, которая должна была изобразить улыбку:

– Пускай мой отец посмотрит теперь.

Всадник сдержал поводья и, взглянув в указанном направлении, с трудом удержал крик удивления при виде волшебной картины, развернувшейся перед его глазами не более как в полумиле от него. Это был настоящий оазис, полный зелени, жизни и движения, который, казалось, возник среди голой и бесплодной пустыни по мановению волшебного жезла. То была плантация кофе и сахара, на которой жизнь так и кипела. На огромное пространство тянулись поля пшеницы, овса, риса, сахарного тростника, кофейного дерева: и эти поля перерезали там и тут купы деревьев, скрывавших простенькие, но изящные домики и обширные мастерские. На верху лесистого холма стоял дом с двумя флигелями, украшенный башенками с правой и левой стороны. Над центром здания, выстроенного из огромных дубовых бревен, возвышалась башня с коньком наверху. Фундамент был сложен из больших камней, основательно скрепленных цементом, и поднимался на 10–12 футов от земли. Обширный и глубокий ров опоясывал весь дом, в который можно было проникнуть только по подъемному мосту. Но в данный момент мост был опущен. Таким образом, это изящное и красивое здание, в котором, по-видимому, жил владелец плантации, представляло из себя солидную и надежную крепость.

Очень большой и красиво распланированный парк спускался с холма и захватывал часть равнины. За домом росла роща столетних деревьев – очевидно, последних представителей того девственного леса, который здесь некогда стоял; густая стена их, оборудованная многими бойницами, окружала дом, образуя вторую линию охраны.

С того места, где остановился путешественник, он мог разглядеть мельчайшие детали этого удивительного пейзажа. Он наметил также массу рабочих, рассеянных всюду на полях, и большие стада, которые паслись на искусственных лугах.

– Да это чудо что такое! – вскричал путешественник. – Так это и есть плантация полковника Курти? – спросил он у проводника.

– Да! – лаконически ответил индеец.

– Но ведь это совсем неслыханное дело! Как он добился того, чтобы в такое короткое время так изменить до неузнаваемости неблагоприятную почву пустыни?

Индеец несколько раз качнул головою.

– Белый господин – мужчина, – сказал он. – Великие мужи Запада – не старые болтливые женщины: чего они хотят, то они и могут! Работа – это их жизнь. Творец мира покровительствует им, потому что они добры, справедливы и жалостливы к несчастным.

Путешественник с удивлением обернулся на говорившего: ему никогда не приходилось слышать, чтобы индеец отзывался так об американцах, этих заклятых врагах красной расы, которую они преследуют без усталости и без милосердия и которую поклялись уничтожить.

– Так ты любишь белых? – спросил всадник.

Странная улыбка скользнула по лицу краснокожего, осветив на мгновение его мрачное и суровое выражение.

– Только этих! – ответил он. – Черная Птица – великий и славный вождь своего племени. Он никогда не забывает ни благодетелей, ни обид. Неблагодарность – это порок белых, признательность – добродетель краснокожего. Кровь вождя принадлежит до последней своей капли великому белому вождю и его семье, других он не знает и не заботится о них.

Наступило короткое молчание. Всадник ехал, задумавшись над словами индейца, которые поразили его. Проводник первым прервал молчание.

– Пускай мой отец посмотрит! – сказал он протягивая руку по направлению к дому. – Мой отец, конечно, заметил уже! Вот сам великий белый вождь; он выходит из большого каменного дома, он направляется в эту сторону; он идет к моему отцу, наверное, для того, чтобы предложить ему приют у себя.

– Это правда, – ответил всадник, – едем же навстречу! Неловко дожидаться его здесь.

Он сделал знак, и все четверо тронулись в путь. Меньше чем за десять минут они поравнялись с полковником, и в то же мгновение путешественник и Курти испустили одновременно радостный крик: «Вильямс!» «Лионель!» – и заключили друг друга в объятия.

– Так вы решились-таки навестить меня в моем уединении? – сказал с чувством полковник. – Какой приятный сюрприз! Моя жена будет очень рада вас видеть.

– Что, она уж привыкает понемногу к этой жизни на границе, о которой ходят такие темные легенды?

– Моя жена поистине героиня. Нам немало пришлось терпеть в первое время от наглости населения и от нападений, даже довольно серьезных. Но Лаура была просто поразительна! Она исполняла свои обязанности так весело и с таким самоотвержением, что действовала на нас ободряющим образом, честное слово! Просто не верится, чтобы женщина, такая нежная и робкая на вид, могла обладать такой твердостью характера, мужеством и самопожертвованием! Что еще прибавить к этому? Сердце у нее широкое; она готова на все, если дело касается того, чтобы оказать какую-нибудь услугу. Словом, это наш ангел хранитель, и здесь все ее обожают.

– Вот это похвала! – ответил Вильямс. – Ну а что ваше юное потомство?

– Растут, как настоящие шампиньоны! Люси, старшая моя дочь, уже помогает в доме, хотя ей всего тринадцатый год; это уже совсем маленькая женщина и правая рука матери. Джордж – тот отчаянный сорванец! Я никогда не видел более подвижного и шаловливого ребенка.

– Но ведь ему всего одиннадцать лет, пусть себе пока побесится немного; потом, с возрастом, его бурный характер будет все более и более стихать и успокаиваться.

– Я и не запрещаю ему шалить. Шумные, горячие натуры оказываются часто самыми лучшими.

– Вы правы. Но расскажите о ваших младших дочерях, я их совсем не знаю.

– И сами в этом виноваты, милый мой! Они родились на плантации, куда вы являетесь сегодня в первый раз (не примите этого за упрек). Но успокойтесь, вы их сейчас увидите. Дженни, моей третьей, десять лет; она кроткая, нежная и немного застенчивая, но у нее прекрасное любящее сердечко. Последний мой наследник мальчик девяти лет; он очень мил и по характеру похож на Дженни; его зовут Джемсом.

– Честное слово, вы живете, как в раю: чудесная жена и четверо прелестных детей – да вы, наверное, счастливейший человек в мире!

– Это так и есть, мой друг, я так счастлив, что по временам даже пугаюсь своего счастья!

– Ну вот! Просто наслаждайтесь и не думайте ни о каких ужасах.

– Я так и делаю.

– И прекрасно.

– Но, сам не знаю почему, я с некоторых пор чувствую беспокойство.

– Беспокойство! Но почему же, Курти?

– Сам не знаю; может быть, это предчувствие какого-нибудь несчастья.

– Ну, полно шутить!

– Я вовсе не шучу, друг мой; вот уж с месяц как у меня появились плохие соседи.

– Соседи? В таком пустынном месте?

- Да, в четырех—пяти милях отсюда; они явились вечером, расположились лагерем и, вместо того чтобы отправляться далее, живут с тех пор здесь.
- Что вам за дело до этих людей? У вас с ними нет ничего общего.
- Так-то так, но меня пугает их близость.
- Пугает за вас самого?
- Бог мой, конечно, нет! Но я боюсь за своих.
- Но в чем же, наконец, дело?
- Я боюсь, как бы эти люди не были скваттерами: их много появилось в этих местах за последние месяцы, а раньше они никогда не жили здесь.
- А, черт возьми! Это было бы скверно. Но уверены ли вы, что это скваттеры?
- По крайней мере, очень похоже, по всем признакам.
- Было уже у вас столкновение с ними?
- Нет, пока еще нет; они только поселились очень близко от границы моих владений!
- Пока они не явятся к вам, нечего и толковать об этом.
- Да, но я теперь всегда настороже.
- Это очень благоразумно! Но, однако....
- Тс! Мы пришли, и больше ни слова об этом: моя жена не должна ничего знать.
- Вполне разумно.
- Мы поболтаем на досуге, ведь вы пробудете у нас некоторое время?
- Даже месяц, если вы ничего не имеете против.
- Ну, скажем, уж два месяца!
- Будь по вашему! Вы видите, что я не церемонюсь с вами.
- Я вам за это только благодарен!

С этими словами оба друга подошли к подъемному мосту, где их ждала госпожа Курти, окруженная детьми, стараясь разглядеть издали гостя, так неожиданно нарушившего уединение их тихой жизни среди пустынной местности.

Глава III. Глава, из которой узнается масса интересных вещей

Как только дети узнали приехавшего, они бросились к нему навстречу, хлопая в ладоши, испуская радостные крики и не слушая матери, которая напрасно пробовала удержать их около себя. Впрочем, попытки ее были очень слабые, и скоро она сама приняла участие в выражении шумного восторга, двинувшись, хотя и медленно, навстречу к путешественнику, отважившемуся на такой смелый подвиг, как приезд в их пустыню.

Вильямсу Гранмензону было пятьдесят пять лет. Лицо его, в высшей степени симпатичное, было красиво, с правильными чертами и добрым, немного беспечным взглядом. Он был высокого роста, хорошо сложен и имел очень изящные руки. Он приходился дальней родней Курти и был сильно привязан ко всей семье. Рано овдовев, он не захотел жениться вторично, убежденный – основательно или нет, это уж его дело – в том, что ему не найти второго такого же ангела, каким была его покойная жена и память о которой он хранил как святыню в глубине своей души. Очень богатый и бездетный, он перенес всю свою нежность и любовь на Люси, старшую дочь полковника и свою крестницу.

– Наконец-то вы к нам приехали, – сказала госпожа Курти, протягивая ему руку. – Так вы еще не совсем нас забыли?

– Вас забыть! – живо вскричал приезжий. – Нет, вы не могли так подумать – вы слишком хорошо знаете меня!

– Я не хочу вас упрекать, но ведь вот уже восемь лет, как мы не виделись. В последний раз вы были у нас в Новом Орлеане.

– Сознаюсь в этом.

– Не огорчай его больше, – вступился полковник. – Вильямс обещал мне провести с нами целых два месяца.

– Правда ли это, по крайней мере? – спросила молодая женщина.

– Я бы с удовольствием остался у вас навсегда. Где же может быть лучше, чем здесь? Я останусь у вас, пока вы меня не прогоните! – прибавил он, смеясь.

– В добрый час, вот это я понимаю.

И она протянула Вильямсу руку, которую тот горячо пожал.

С самого приезда Гранмезон сделался в буквальном смысле жертвой детей плантатора. Люси как старшая и потому более сдержанная, чем другие дети, крепко поцеловала своего крестного отца, зная, что пользуется его особенной любовью, а потом, слегка толкнув в его объятия своего маленького брата и сестру, сказала ему с покровительственной улыбкой:

– Вот, крестный папа, мой младший брат и сестренка! Они еще не знают вас, но я им часто рассказывала, какой вы добрый, так что они уже любят вас.

Дети, застенчивые и дикие, смотрели глазами испуганных газелей на высокого старика, которого они никогда не видели, но который выглядел таким добрым, что они готовы были полюбить его.

– Правда это? – спросил Гранмезон, поднимая детей на руки и целуя их. – Так вы любите меня, мои крошки?

– О да, крестный папа! – ответили в один голос оба маленьких дикаря, уже наполовину прирученных.

– Боже мой, что за славный народ – дети! – вскричал добряк со слезами на глазах. – И какое счастье иметь детей, если они похожи на этих!

– Я тоже очень люблю вас, – сказал Джордж, – и охотно поцелую вас. Но сначала пойду посмотреть, позаботились ли о вашей лошади. Ведь я мужчина! – прибавил он с комической важностью.

– Вот это хорошо, иди, только возвращайся поскорее.

– О, об этом не стоит и говорить: карманы вашего пальто слишком подозрительно оттопырены, чтобы там не нашлось для меня какого-нибудь сюрприза.

– Ах ты, хитрец! – сказал Гранмезон, грозя ему пальцем.

– Однако, Джордж, что ты там болтаешь?! – строго заметила госпожа Курти.

– О, мама! – живо вскричала Люси. – Не брани Джорджа. Ведь он сказал это, потому что знает привычки моего крестного папы.

– Вот это хорошо сказано! – проговорил Гранмезон.

– Спасибо, сестричка, ты добра, как и всегда.

И Джордж, нежно поцеловав сестру, выкинул какое-то радостное антраша и убежал.

– Ветреная голова! – сказала госпожа Курти, следя глазами за сыном с той нежной улыбкой, которая свойственна только настоящим матерям и ясно выражает всю их безграничную любовь.

– Да, у него ветер гуляет в голове, но он славный и сердечный мальчик.

– О да, крестный папа, Джордж, правда, большой шалун, но так добр, что на него нельзя сердиться.

– Так что, ему все сходит с рук?

– Люси боготворит своего брата и балует его! – сказала госпожа Курти.

– Конечно, мама, ведь он же мой брат.

– Гм! Моя крестная дочь умеет заговаривать зубы.

Девочка улыбнулась, видимо польщенная этим мнением.

– Крестный папа, вас ждет завтрак.

– И правда, я совсем и забыла об этом! – вскричала госпожа Курти.

– Это очень понятно, мама, ведь у тебя так много дел, что ты можешь иногда забыть что-нибудь.

– Ну смотрите пожалуйста, – произнесла мать с сияющим взглядом, – что вы на это скажете?

– Я повторю, что моя крестница тонкая дипломатка, и поэтому-то, конечно, все и любят ее; как она этого достигает – это уж ее секрет.

– О, мой секрет очень простой!

– Посмотрим-ка, в чем он состоит?

– В том, чтобы быть умной, слушаться маму и папу, чтобы подавать хороший пример младшим братьям и сестре – ведь я самая старшая.

– Да это уж совсем взрослая маленькая женщина! О, если бы у меня была такая дочь!

– Но ведь я и люблю вас как отца.

– И то правда! – вскричал Гранмезон растроганно и прибавил: – Из детей, рассуждающих так логично, вышли бы самые красноречивые ораторы конгресса!

– Потому что они говорят от чистого сердца и видят вещи в их настоящем свете. Сердце ребенка – это зеркало, в котором отражаются все впечатления, дурные и хорошие, такими, каковы они есть на самом деле.

Разговаривая таким образом, они вошли в столовую, где был приготовлен завтрак. Одна только Люси отстала немного от других, чтобы поздороваться с Черной Птицей, индейским вождем, к которому она питала особенное пристрастие.

– А! – вскрикнул Гранмезон, оборачиваясь назад. – Моя крестница ведет серьезный разговор с проводником индейцем. Так она знает его?

– Черную-то Птицу! Мы его все здесь знаем и любим: это славный воин и честный человек, хотя и краснокожий. Он друг Люси и находится под ее особым покровительством.

– Как? Она дружна с этим индейцем?

– Бог мой, ну да, я после расскажу всю эту историю, но сначала вам надо подкрепиться.

– Я могу отлично слушать и в то же время есть и пить. Мне очень интересно узнать поскорее, отчего завязалась дружба между моей крестницей и этим дикарем.

– И вы останетесь довольны. Слушайте только меня хорошенько!

– Я весь обратился в слух.

И Гранмезон в то же время стал уничтожать вкусные кушанья, поставленные перед ним, с волчьим аппетитом истого путешественника.

Для большей ясности рассказа мы заменим госпожу Курти, чтобы дать возможность читателю узнать всю истину целиком, которую мать прелестной девочки знала только отчасти. Люси же сама была слишком скромна, чтобы выставить себя в настоящем свете, и не рассказывала матери всей правды.

За девять или десять месяцев до начала нашей истории мать послала Люси отнести лекарства к одному из фермеров, жена которого была довольно серьезно больна. Так как дорога была не близкая, она поехала верхом на спокойном пони в сопровождении великолепной ньюфаундлендской собаки, которые так часто встречаются на приисках в Северной Америке. Собака эта, по имени Добряк, была не старше полутора лет, но огромного роста и обладала чудовищной силой; для девочки, которую собака очень любила, она представляла вполне солидный конвой. Поэтому, когда Люси выезжала куда-нибудь из дому, она всегда брала с собой Добряка, в обществе которого ей не могли быть страшны никакие встречи. Поговорив с фермером и исполнив поручение матери, девочка стала уже подумывать об обратном пути: было четыре часа дня, дорога предстояла не близкая, и Люси не хотела заставить мать беспокоиться. Итак, она попрощалась с семейством фермера, села на своего пони и поехала домой; перед лошастью бежал Добряк, играя по своему обыкновению роль разведчика. Доехав до тропинки, хорошо известной ей и сокращавшей дорогу на целых полчаса, Люси, не задумываясь, свернула на нее, хотя тропинка была неудобная для езды и почти пустынная. Беззаботно двигаясь вперед, она напевала вполголоса одну из хороших рождественских песенок, которой научила ее мать, срывала цветы с кустов и смотрела своими глазами газели на птичек, которые, выглядывая из густой зелени, точно посылали ей свой привет. Вдруг Добряк, спокойно бежавший до этого времени впереди, стал обнаруживать беспокойство и тихонько ворчать.

– Что с тобой, мой Добряк? – сказала девочка, оглядываясь по сторонам.

Собака посмотрела на хозяйку тем выразительным, почти человеческим взглядом, каким смотрят эти умные животные. Потом она тихонько залаяла и в одно мгновение исчезла в густом кустарнике, окружавшем с обеих сторон тропинку. Люси, слегка встревоженная, поехала скорее, как вдруг Добряк снова показался из кустов, испустив долгий и такой пронзительный вой, что она вздрогнула от страха. Затем собака кинулась на нее сзади и, встав на задние лапы, стала тянуть ее вниз за юбку, смотря на нее при этом особенно трогательно и точно умоляя сойти с пони. Девочка, как воспитанная умной матерью, от которой слышала рассказы, развившие в ней находчивость в разных случаях, не боялась каких-нибудь вымышленных опасностей.

– Чего ты хочешь от меня, Добряк?

Животное удвоило свои старания.

– Ты хочешь, должно быть, чтобы я сошла с лошади?

Добряк тихонько залаял.

Тогда Люси, не колеблясь более, соскочила на землю и, привязав пони, чтобы он не убежал, сказала, лаская умную собаку:

– Ну а теперь, что мне надо делать?

Добряк залаял, бросился вперед и сейчас же вернулся назад, точно приглашая ее следовать за собою. Люси сейчас же поняла, чего хотела от нее собака.

– Ну иди вперед, Добряк, – сказала она, лаская ее, – а я пойду за тобой.

Собака не заставила повторять это приказание и пустилась бежать. Но, добежав до одного места в кустах, она, вместо того чтобы скрыться в них, остановилась, точно давая время своей госпоже подойти к ней.

– Ну что же станем теперь делать? – сказала весело Люси.

Собака взглянула на нее, помахала хвостом и скрылась в кустах. Девочка пошла за ней следом. Ей не пришлось идти долго: шагах в шестнадцать от нее, наполовину скрытый в кустах, лежал на земле человек, неподвижно, точно мертвый.

При виде его Люси побледнела и вздрогнула; она сделала даже невольное движение, чтобы убежать прочь, но почти сейчас же поборолла нервное волнение и, видя, что собака лижет руки этого человека, медленно, но решительно подошла к нему.

Это был индеец; тело его было разрисовано, как у воина, а оружие лежало рядом на земле. Девочка нагнулась к нему и, хотя с некоторым колебанием, смешанным с чувством отвращения, положила правую руку ему на лоб.

– Он еще жив! – прошептала она. – Я должна спасти его, если только возможно.

Она бросилась на дорогу, уже без всякого колебания, сняла чемоданчик, привязанный на спине пони, и вернулась бегом в кусты, где ждал ее Добряк, добровольно взявший на себя обязанность сторожа при бедном индейце в отсутствие своей хозяйки. Увидев ее, он радостно завизжал, помахивая хвостом точно в знак благодарности Люси, к которой вернулось все ее самообладание, как только она поняла, что дело идет о спасении человека. Девочка поспешно открыла чемоданчик и вынула оттуда все необходимое для перевязки, так как увидела на груди индейца рану, из которой текла кровь. С удивительной быстротой и ловкостью она перевязала его, предварительно промыв рану хорошенько. Потом откупорила маленькую склянку с крепкой солью и поднесла ее к носу раненого. Странное зрелище представляла собой двенадцатилетняя девочка, нежная и миниатюрная, самым старательным образом ухаживающая в глухом лесу за дикарем-великаном свирепого и отталкивающего вида благодаря своему раскрашенному телу и улыбающаяся ему кротко, между тем как ее собака лизала руки раненого. Прошло немало времени, пока раненый не подал признаков жизни и не пришел в себя. Он бросил вокруг себя растерянный взгляд, потом, когда сознание окончательно вернулось к нему, произнес несколько слов, которых Люси не поняла.

– Вы чувствуете себя лучше, не правда ли?

– О! – произнес индеец с трудом. – Моя дочь спасла меня, она добра. Сам Владыка жизни послал ее ко мне, чтобы вернуть меня на землю, когда я видел уже леса, в которых охотятся мои предки.

– Это Бог устроил так, что моя собака нашла вас здесь и привела меня. А потом уж я сделала, что могла, чтобы вернуть вас к жизни. Выпейте вот это, – прибавила она, поднося к его губам ром, смешанный с водой. – Это возвратит вам силы.

– Это сама жизнь влилась в мои члены, – сказал индеец, выпив напиток и возвращая стакан девочке. – Моя дочь великая чародейка! Я обязан ей жизнью.

– Нет, я вовсе не чародейка! – ответила с улыбкой Люси. – Но мои папа и мама учили меня, что надо всегда делать добро, когда только можешь.

– Отец и мать моей дочери – умные и добрые люди; и они, должно быть, счастливы, что имеют такую дочь.

– Вы можете их скоро увидеть, если только вы в силах идти: мы не далее как в четверти версты от нашего дома.

– Хорошо, – ответил индеец. – Черная Птица – не убогая старуха, а воин и вождь своего народа, и попробует отправиться в путь.

– Ну, в таком случае выпейте еще глоток, это вас подкрепит.

– Нет, вождь не станет больше пить, он чувствует себя сильным. Вот смотри!

Индеец собрал все свои силы и попробовал подняться на ноги, но голова у него закружилась, он зашатался и едва не упал.

– Обопритесь на мое плечо, я сильнее, чем кажусь на вид! – вскричала Люси, быстро подбегая к нему.

– Нет, – сказал индеец, мягко отклоняя ее. – Пусть моя дочь оставит меня одного: она увидит, что в силах сделать воля вождя.

Действительно, в скором времени, опираясь на свое ружье, Черная Птица сделал несколько шагов. Но едва он вышел из кустов на дорогу, как силы оставили его, он покачнулся и принужден был опереться о дерево.

– Пойдите, – сказала Люси, – я сейчас сяду на своего пони и через полчаса вернусь к вам с помощью.

Индеец печально покачал головой.

– Нет, нет, – проговорил он, – что будет со мной, когда моя дочь покинет меня?

– Но ведь я сейчас же вернусь с нашими людьми, обещаю вам это, вождь! – ответила девочка.

– Нет, нет, Черная Птица не хочет расстаться с Лесным Шиповником, он пойдет тоже! Пусть только моя дочь даст ему лекарства.

Люси протянула ему стакан, и индеец осушил его одним духом.

– Идем, – сказал он, возвращая пустой стакан. – Теперь Черная Птица достаточно силен.

И он бодро пустился в путь.

Глава IV. Глава, в которой читатели обстоятельно знакомятся с героиней этой правдивой истории

Уже много времени прошло с тех пор, как Люси уехала из дому на ферму. Солнце давно село, наступила ночь, а она все не возвращалась. Ее отец и мать страшно беспокоились, стараясь придумать, что бы могло случиться с нею. Она не могла оставаться так долго на ферме. Не заблудилась ли она по дороге? Но это было почти невероятно. Полковник и его жена не знали, что делать. Управляющий плантацией, посланный к фермеру, успел вернуться, но по его расстроенному лицу видно было, что он привез дурные вести. Действительно, ему сказали там, что Люси выехала с фермы около половины четвертого, и с тех пор никто ее не видел. Очевидно, с ней случилось какое-нибудь несчастье. Но какое? Всего самого худшего можно было ожидать при подобных обстоятельствах. По распоряжению полковника десять человек, верхом на лошадях, бросились в разные стороны на поиски бедной девочки. С госпожой Курти сделался нервный припадок, после которого она почти лишилась чувств. Розыски продолжались около трех часов, но не привели ни к какому результату, как вдруг по слышался громкий лай.

– Это лает Добряк! – вскричал полковник. – Я узнаю его отрывистый лай. Он никогда не покидал моей дочери; что может значить этот лай?

– Наверное, он зовет нас на помощь! – сказал управляющий. – Ведь вы знаете, какой он умный. Откуда слышится лай?

– Звуки доносятся с той глухой тропинки, которую мы прозвали тропинкой краснокожих.

– Но моя дочь не рискнула бы поехать по этой запущенной и почти непроходимой дорожке.

– Эта тропинка сокращает дорогу, полковник. Во всяком случае, на этой тропинке происходит в данное время кое-что очень интересное для нас, и нам не мешало бы поехать по направлению к ней.

– Пожалуй, вы правы, боюсь только, что это окажется напрасной надеждой.

– Как знать! Ведь известно, что Добряк никогда не покинет мисс Люси.

– Это правда, собака верна ей, как тень. Так идем же скорее туда, раз она нас зовет. Вперед, друзья мои, вперед!

Пригнувшись к гривам лошадей, отряд верховых поскакал по направлению к тропинке краснокожих.

Несмотря на свое мужество и необыкновенную энергию, Черная Птица не в силах был дойти до дома плантатора, как ни близко было расстояние до него: он слишком много потерял крови и силы его истощились. Несколько раз он падал, и после этого ему стоило большого труда подняться на ноги. Два раза он даже терял сознание. Наконец, он не в силах уже был встать с земли и лежал неподвижно, не обнаруживая признаков жизни.

Тогда Люси пришла в полное отчаяние.

Она не решалась бросить несчастного дикаря, которому уже оказала столько услуг, и не знала, что ей делать. Ее силы тоже приходили к концу! Давно уже прошел тот час, когда она должна была вернуться домой, и она живо рисовала в своем воображении беспокойство родителей. В таком состоянии ее застала ночь; тогда ее отчаяние сделалось безграничным. Надо, однако, отдать справедливость Люси: в течении всех этих долгих часов, таких тяжелых и тревожных, ей ни разу не пришло в голову бросить раненого, которого она так счастливо спасла от смерти; напротив, мысль о нем только и поддерживала энергию ее доброго и великодушного сердца, для которого выше всего стоял долг. В то время как она ухаживала за несчастным, Добряк, который ни на шаг не отставал от своей госпожи, вдруг с громким лаем бросился вперед.

– В чем дело? – спросила себя Люси. – Уж не поехали ли искать меня? – И, бросив сострадательный взгляд на раненого, который все еще лежал без признаков жизни, она прибавила: – Какое это было бы счастье! Он был бы тогда спасен.

По обыкновению, она забывала о себе, думая только о других. Скоро раздался топот лошадей.

– Едут! – вскричала она, сжимая руки в волнении.

Отчаянный лай Добряка перешел в радостный визг.

– Это мой отец! – вскричала Люси. – Теперь он спасен! (Под *ним* она разумела индейца.)

Почти в то же мгновение несколько всадников, вооруженных факелами, показались на тропинке.

– Папа! – крикнула Люси и бросилась к нему, заливаясь слезами. Полковник поднял дочь на руки и стал осыпать ее самыми страстными ласками.

– Злая девочка! – проговорил он, все еще покрывал ее лицо поцелуями. – Как ты встретила меня и мать!

– О, я знаю это! Я сама была в отчаянии, что не могла вернуться вовремя.

– Как, не могла вернуться? Так тебя задержали против твоей воли?

– О нет, никто меня не задерживал! Но я не могла вернуться, хотя и хотела этого, простите меня!

И из ее хорошеньких глаз опять полились слезы.

– Ну не плачь же, моя Люси, осуши свои глазки. Я прощаю тебя, только ты Расскажи мне все толком.

– Конечно, расскажу, папа! – ответила Люси, обнимая отца.

– Ну вот и отлично. А теперь нам надо скорей торопиться домой.

– О да, отец, я очень хочу поскорее обнять маму. Но я не могу его бросить. Несчастный! Что с ним тогда будет?

– С кем? О каком несчастном ты говоришь? Что все это значит?

– Это бедный раненый индеец, которого нашел Добряк в кустах еле живым и которому мне удалось, кажется, спасти жизнь.

– Что ты там болтаешь, малютка?

– Я говорю правду, папа!

– Ты спасла жизнь какому-то человеку?

– Насколько это было в моих силах.

– Где же он?

– Здесь, в кустах, где Добряк стоит, точно на часах.

– И ты говоришь, что это краснокожий?

– Да, это индейский вождь; он сказал мне, что его зовут Черная Птица.

– Он ранен?

– У него рана на груди. Когда я его нашла, он лежал в луже крови.

– И ты не испугалась?

– О да, испугалась, папа, и даже очень, но вспомнила, что вы мне говорили и чему всегда учили, и это придало мне мужества, так что я попробовала помочь ему.

– Это хорошо, очень хорошо, Люси! Ты поступила, как и следовало поступить, повинуйся голосу сердца и принципам гуманности: спасти человеческую жизнь – это великое и славное дело! Вместо того чтобы бранить тебя, я поздравляю тебя с твоим хорошим поступком.

– Так вы не сердитесь на меня за те огорчения, которые я вам причинила? – скромно спросила Люси.

– Бедная милая моя девочка! – сказал полковник, обнимая и прижимая дочь к своей груди. – Посмотрим же на твоего раненого.

– Вы сжалитесь над ним, не правда ли, хотя он только индеец? – спросила Люси дрожащим голосом.

– Все люди равны, когда они страдают, дитя мое! – ответил полковник. – Я сделаю все, чтобы твое доброе дело не осталось втуне.

– О, благодарю! – вскричала Люси с волнением.

Скоро они дошли до места, где лежал раненый. Черная Птица только начал приходить в сознание после глубокого обморока. Полковник сошел с лошади и подошел к индейцу, который делал усилия подняться с земли и сесть.

– Вы чувствуете себя лучше, вождь? – спросил приветливо полковник.

– Черной Птице хорошо! – ответил тот медленно гортанным голосом. – Лесной Шиповник вернул его к жизни! Без нее он через несколько часов отправился бы в лес, чтобы охотиться со своими предками в благословенных местах!

– Хорошо, вождь, и – с Божьей помощью – мы закончим, надеюсь то, что моя дочь так успешно начала. Вам нечего меня опасаться: в моих намерениях нет ничего дурного.

– Вы – отец Лесного Шиповника; разве я могу вас бояться? Отец такой дочери должен быть добрым! Пускай мой брат делает со мной что хочет; я вполне доверяю ему.

– И это доверие не будет обмануто, вождь; я велю перевести вас в свой дом, где за вами будет самый тщательный уход, какой только потребуется в вашем положении.

– Мой отец хорошо сказал, и Черная Птица благодарит его! Он не забудет этого.

По распоряжению полковника Леон Маркэ сейчас же устроил носилки, которые покрыли плащами и положили на них раненого, чтобы перенести его таким образом домой. Но, так как шествие с носилками могло двигаться только очень медленно и с большими предосторожностями, то полковник послал вперед человека к своей жене, чтобы успокоить ее, что Люси найдена, находится вне опасности и что она ее скоро увидит здоровой и невредимой. Эти добрые вести моментально вылечили госпожу Курти точно по волшебству, прекратив ее мучительное беспокойство; и ей захотелось пойти навстречу дочери, хотя бы только до подъемного моста, что она и исполнила. Здесь она ждала около трех четвертей часа, пока наконец не увидела вдали огоньки, мерцавшие среди ночной темноты: это был свет факелов. Затем она услышала топот лошадей, которые скакали галопом. Вскоре она различила еще неясные силуэты двух всадников; они ехали во главе отряда. Ее сердце забилося: это были ее муж и дочь. Тогда начались объятия и бесконечные поцелуи.

– Нехорошая девочка! – вскричала госпожа Курти, обнимая дочь, после того как первое волнение немного утихло.

– Милая Лаура! – сказал полковник. – Не брани дочь и не упрекай ее, а напротив – поздравь за то, что она воспользовалась уроками, которые мы ей давали, и так успешно применила их на практике.

– Что ты хочешь этим сказать? – вскричала она с удивлением. – Что сделала Люси?

– Великий и великодушный поступок, за который нельзя достаточно расхвалить ее! Вот там несут одного человека, индейского вождя, опасно раненного: он обязан жизнью нашей Люси. Это и было причиной, задержавшей ее в дороге и доставившей нам столько страха.

– Боже мой, неужели это возможно? Неужели Люси действительно сделала это?

– Посмотри, вот и сам раненый!

– О, дорогое дитя мое! – вскричала мать.

Черную Птицу уложили в постель в одной из комнат, предназначенных для гостей. Люси поместилась у его изголовья и с этой минуты исполняла обязанности сиделки все время, пока длилась его болезнь, которая затянулась надолго, потому что рана была из очень тяжелых. Наконец больной стал поправляться. Поговорка индейцев, что «неблагодарность есть порок белых, а благодарность – добродетель краснокожих», вполне оправдалась в данном случае. Черная Птица чувствовал живую признательность к полковнику и его жене за все заботы о нем,

чувство же его к Люси переходило все границы чувств, внушенных благодарностью за благодеяние: это была не просто признательность, а какое-то обожание, доходящее до фанатизма, той, которой он обязан был спасением; и он без колебания и с радостью отдал бы за нее свою жизнь. Было еще одно существо, к которому индеец питал искреннюю привязанность, и это существо было не кто иной, как Добряк, который первый нашел его умирающим и привел к нему ту, которая спасла его.

Наконец, после четырех долгих месяцев страданий, Черная Птица окончательно выздоровел и к нему вернулись его прежние силы. Однажды рано утром, когда солнце еще только показалось на горизонте, он явился к полковнику и его жене, горячо поблагодарил их за все то, что они сделали для него, и выразил желание вернуться к своим. Полковник подарил ему на прощанье прекрасную степную лошадь, дал на дорогу порошу, пуль и провизии и ласково сказал:

– Мой брат, как свободный человек, может вернуться к своим; но этот дом будет всегда открыт для него, и, когда только он пожелает вернуться, ему будут всегда рады.

Тогда Черная Птица повернулся к Люси, которая стояла возле матери, склонился перед нею и, взяв ее руку, почтительно поднес ее к губам, а потом прижал к своему сердцу, проговорив взволнованно:

– В этом доме остается моя дочь, Лесной Шиповник!

С этими словами он оставил плантацию. После того он часто приходил дня на три или на четыре к полковнику, где его всегда встречали с удовольствием: но больше и искреннее всех радовалась его приходу Люси.

Рассказ госпожи Курти о знакомстве с Черной Птицей и хорошем поступке ее дочери, который мы только что передали, занял немало времени и очень заинтересовал Гранмезона, которому захотелось похвалить девочку; но Люси, вероятно подозревая об этом, нарочно не показывалась во время рассказа. После того как она долго разговаривала с Черной Птицей, она проводила его на половину расстояния выстрела от дома и довела до индейской хижины (калли), выстроенной совершенно так, как строит себе дома племя команчей, к которому принадлежал Черная Птица. Внутреннее устройство хижины вполне гармонировало с внешним видом, так что можно было легко перенестись мысленно в пустынные земли индейцев.

– Когда вождь будет приходить навещать своих друзей, – сказала Люси индейцу со своей милой улыбкой, – он будет жить в своем *калли*. Может быть, это сделает его посещения более частыми и продолжительными. Это я велела построить этот калли; нравится он вождю?

– У Лесного Шиповника – нежное и деликатное сердце! – ответил индеец с волнением. – Как может не нравиться то, что она делает? Черная Птица благодарит ее!

И он почтительно поцеловал ей руку, как это обыкновенно делал.

Этот калли, или простая хижина, был построен Леоном Маркэ, управляющим плантацией, по просьбе девочки и с позволения полковника.

Глава V. Возвращение к прошлому, чтобы лучше осветить настоящее положение дел

Нам надо теперь немного вернуться назад, чтобы определить положение героев нашей истории в тот момент, когда она начинается.

Леон Маркэ, управляющий плантацией, долго служил под начальством полковника в качестве помощника лейтенанта и затем лейтенанта; это был человек испытанной честности, которая вошла в армии даже в поговорку. Но, к сожалению, он не получил достаточного образования; кроме того, у него не было состояния и умения заставить оценить себя по заслугам, чего добиваются чуть не силой люди менее робкого десятка, чем он. С такими данными у него не было, понятно, никаких шансов добиться рано или поздно более высокого положения. Он был очень привязан к полковнику, который давно ценил его и уважал. Когда полковник получил землю, первой его заботой было найти безукоризненно честного и умного человека, к которому он мог бы питать полное доверие. Нелегкая была вещь найти такого человека, но, к счастью, полковник вспомнил о своем бывшем лейтенанте.

– Вот кого мне надо! – вскричал он. – С ним я мог бы спать совершенно спокойно, уверенный в том, что все идет отлично, – конечно, если только он примет мое предложение.

В тот же день он написал своему бывшему лейтенанту и послал письмо с нарочным, чтобы быть уверенным, что оно дойдет по назначению. Через две недели лейтенант сам явился к полковнику. Он подал в отставку и принял, не колеблясь, все условия полковника. Полковнику оставалось только гордиться выбором, который он сделал. Как все старые солдаты, Леон Маркэ был прежде всего человеком долга: всякое отданное приказание было для него священо, и он даже не допускал мысли о том, чтобы не исполнить его. Он был еще не стар – ему было тридцать восемь лет, – высокого роста и поистине атлетического сложения. Он превосходно ездил верхом и владел оружием с удивительным искусством и верностью прицела. С восхода и до захода солнца, а зачастую и часть ночи, разъезжал он верхом на своей лошади по плантации; он наблюдал за всеми работами, которые здесь производились, тем более что полковник, имея к нему безграничное доверие, дал ему все полномочия, что было конечно, большой честью для управляющего, но в то же время налагало на него громадную ответственность, так как ничто не делалось без его приказания.

Раз утром, еще до восхода солнца, управляющий шагом объезжал восточную границу плантации, осматривая огромным девственным лес, девять десятых которого, если не больше, находилось на участке полковника. Ему нужно было для неотложных работ большое количество досок, и он искал какой-нибудь ручеек или речку, чтобы поставить пильную мельницу; из деревьев, старых, как сам мир, окружавших его густой стеной со всех сторон, могли выйти чудесные доски, которые можно было бы сплавлять по воде до того места, где в них встречалась бы надобность. Он осмотрел уже несколько источников, пересекавших плантацию, но все они не представляли тех преимуществ, которые он искал: все, за исключением одного, протекали слишком далеко от того места, где можно было употребить доски в дело. И вот он отправился наследовать этот единственный подходящий к его требованиям источник, как вдруг ему послышались вдали, за деревьями, какие-то голоса. Леон Маркэ сейчас же соскочил с лошади, привязал ее к дереву и с ружьем в руке углубился в чащу, ступая с величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть тех, кого он хотел застать врасплох.

В этом направлении лес оканчивался широкой лужайкой, какие часто встречаются в девственных лесах. Через несколько минут управляющий достиг этого места, но прежде чем проникнуть на лужайку, он спрятался в кустах позади стены деревьев. Его глазам представилось пестрое и живописное зрелище. Это был лагерь переселенцев или цыган; пять тяжелых пово-

зок, очень глубоких и крытых просмоленным холстом, были связаны вместе цепями, образуя форму звезды; свободное пространство между ними было занято грудями разных вещей. Все это вместе составляло маленькое укрепление, способное выдержать довольно продолжительное нападение. Внутри лагеря было отгороженное место, разделенное на две части, и в нем находилось около двадцати пяти лошадей, коровы, овцы, козы и три или четыре свиньи. Несколько красивых кур бродило там и сям, роясь в земле с самым беззаботным видом.

Три хижины, сплетенные из древесных веток, стояли таким образом, что из них получался треугольник; та, которая соответствовала вершине треугольника, была, очевидно, предназначена для кухни, другие же две служили жилым помещением для странных и неизвестных путешественников, которые здесь поселились, – эмигрантов или скваттеров. Огромный костер посреди лагеря, горевший, очевидно, в течение всей ночи, почти потух уже.

Это был час пробуждения, и переселенцы принимались за свои утренние дела. Всех людей было немного, и управляющий легко сосчитал их: всего восемь мужчин и две женщины. Судя по их взаимному сходству, они все принадлежали к одной семье.

Мужчины чистили лошадей и задавали им корм, женщины же, из которых одна была уже немолодая, а другая только что вышла из детского возраста, доили коров, коз и кормили их. Отец и его семеро сыновей, гиганты с суровыми, наводящими страх лицами, усердно работали, не обмениваясь ни одним словом. Все делалось в строгом порядке, быстро и дружно. Отец, высокий, еще бодрый и крепкий старик, обладал, по-видимому, несмотря на преклонный возраст, необыкновенной силой; его длинная седая борода, косые глаза, узкий лоб, длинные, седые, всклокоченные волосы придавали ему отталкивающий вид; а изношенное платье, грязное и почти в лохмотьях, доканчивало впечатление от его внешности, – впечатление далеко не из приятных и успокоительных.

Сыновья очень походили на отца; у них был тот же свирепый, мрачный и коварный вид, та же необыкновенная физическая сила; только одежда их была чище, не так изношена и даже носила следы бессознательного кокетства. Самому младшему из них было не более двадцати одного года.

Мать была высокой и сильной, уже немолодой женщиной, черты лица ее были жесткие, взгляд – высокомерный. Впрочем, под целой сетью лучистых морщин, которыми года и заботы избороздили ее лицо, сохранились чистые и благородные линии, по которым можно было догадаться, что она была очень красива в молодости.

Дочь ее, молодая девушка лет шестнадцати-семнадцати самое большее, была поразительно хороша, со своими белокурыми волосами, глазами испуганной газели, маленьким ртом с розовыми губками и жемчужными зубками; и тем не менее она очень походила на свою мать. Очевидно, что и та была такою же в этом возрасте. Одежда обеих женщин была из самых простых и даже жалких, но отличалась изысканной чистотой.

Две огромные собаки, помесь волка и ньюфаундленда, вооруженные страшными клыками, дополняли состав этой странной и подозрительной семьи. Эти люди находились слишком далеко от того места, где сидел в засаде управляющий, чтобы он мог разобрать то, что они говорили между собой.

– Гм! – сказал сам себе управляющий. – Вот странные соседи! Счастье еще, что, по всей вероятности, они не останутся здесь надолго, а направятся к западу, к новым поселениям. Впрочем, если они не во владениях полковника, я не имею права сказать им что-нибудь, по крайней мере в настоящую минуту; потом видно будет; во всяком случае я не потеряю их из виду!

Рассуждая таким образом, управляющий вернулся туда, где оставил лошадь, вскочил в седло и продолжил свое исследование, которое в конце концов, привело к самым благоприятным результатам. Как он и предполагал, источник, на котором он хотел построить водяную

пильную мельницу, удовлетворял всем требованиям, какие только можно было к нему предъявить.

Вечером того же дня управляющий, ужиная по обыкновению с полковником, за столом которого ему всегда ставили прибор, сообщил об успехе своих утренних поисков, а затем рассказал и о странном лагере эмигрантов, который ему удалось случайно открыть на самой границе его владений.

– А вполне ли вы уверены, мой милый Маркэ, – ответил полковник, – что эти так называемые эмигранты не скваттеры?

– Мне приходила уже в голову эта мысль, полковник! – заметил бывший лейтенант. – Вид у этих людей был более чем подозрительный. Но так как они остановились не на вашей земле, я не считал себя в праве явиться к ним и позволить себе какие-нибудь замечания по их адресу. Люди подобного сорта по большей части в высшей степени обидчивы, принимают все близко к сердцу и всегда готовы от слов перейти к драке. Вы сами знаете это, полковник! Лучше поэтому потерпеть и действовать по отношению к ним с величайшей осторожностью.

– Я совершенно согласен с вами, мой друг. Но только осторожность не должна опуститься до слабости, в особенности в такой стране, в какой мы живем.

– Я знаю это, полковник! Будьте спокойны. Если я только поймаю их на месте преступления, то не дам им спуску.

– И вы будете совершенно правы. Сильный и внезапный отпор с нашей стороны покажет им, с кем они имеют дело, и может избавить нас от скучных и долгих хлопот.

– Я того же мнения.

– Как вы думаете, давно они поселились на этой поляне?

– Не сумею сказать вам это положительно; но, насколько я мог убедиться, они, должно быть, устроились в этом лесу дней восемь или десять тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.